STUDIA PHILOLOGICA

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИ

Е. В. Захарова, Д. В. Кузьмин,
И. И. Муллонен, Н. Л. Шибанова

ТОПОНИМНЫЕ МОДЕЛИ КАРЕЛИИ В ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

2-е издание

Издательский Дом ЯСК
Москва 2018

УДК 80/81
ББК 81-3*81.2
З 38

Монография подготовлена в рамках гранта
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), № 14-0400243а
«Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте»

Рецензенты:
д. ф. н. Н. В. Кабинина, к. и. н. А. Ю. Жуков

Захарова Е. В., Кузьмин Д. В., Муллонен И. И., Шибанова Н. Л.

З 38 Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте / Под ред. И. И. Муллонен. 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 272 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-907117-12-9

Монография посвящена исследованию топонимных моделей на материале географических названий Карелии и сопредельных областей с целью выявления и анализа принципов наименования географических объектов, роли типовых моделей в процессе номинации и механизмов формирования топонимической системы территории. Для доказательства высказанных положений анализируются т. н. квалитативные топоосновы, входящие в число типовых и характеризующие размер, форму и относительное местоположение объекта.

В работе доказывается принципиально важная роль моделей в процессе номинации, которая зависит от образцов, существующих у носителей, населяющих определенную территорию в определенный момент времени. При этом устанавливается, что мода на модель обуславливается целым рядом обстоятельств, в том числе уровнем общественного развития коллектива номинаторов, ландшафтно-географическими особенностями территории, языковыми факторами и т. д. Выявляются отраженные в топонимии особенности номинации, свойственные разным этноязыковым коллективам, населявшим Карелию: саамам, вепсам, карелам, русским.

На основе проведенного исследования уточняется формирование этноязыковой карты Карелии и смежных областей. Предложен целый ряд новых авторских этимологий топонимов, в том числе бытующих в регионе Русского Севера.

Работа адресована специалистам в области ономастики, а также всем интересующимся вопросами топонимики Российского Северо-Запада.

УДК 80/81
ББК 81-3*81.2

В оформлении переплета использован
фрагмент Плана Петрозаводского уезда Олонецкой губернии 1897 г.

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-907117-12-9

© Коллектив авторов, 2018
© Издательский Дом ЯСК, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 9

Введение. Топонимический метод в исследовании этноязыковой истории Карелии 13

Глава 1. Типовые топоосновы для отражения размера географического объекта 29
1.1. Типовые атрибутивные прибалтийско-финские топоосновы 29
1.2. Типовые топоосновы со значением ‘большой’ 32
1.2.1. *Suuri-* ~ *Šuuri-* / *Сур-* 33
1.2.2. *Tobie-* ~ *Tobd’-* / *Тоб-* 34
1.2.3. *Jalo-* / *Ял-* 36
1.2.4. *En(ä)-* ~ *Än-* / *Ян-* 40
1.2.5. *Великий* vs. *Большой* 48
1.3. Типовые топоосновы со значением ‘маленький’ 50
1.3.1. *Pieni-*, *Pikku-*, *Pikkaraini-* 51
1.3.2. *Vähä-* 53
1.3.3. *Pič-* 56
1.3.4. *Пинега* — ‘маленькая река’? 56

Глава 2. *Кривые озера* и *Толстые мысы*: типовые топоосновы, характеризующие форму географического объекта 65
2.1. Типовые топоосновы со значением ‘длинный’ 67
2.1.1. *Kuk(as)-* / *Кук-* 67
2.1.2. *Pitkä-* 72
2.2. *Тонкий* vs. *Узкий* 74
2.2.1. *Hoikka-* 75
2.2.2. *Kaita-* 77
2.3. *Толстый* vs. *Широкий* 80
2.4. Типовые топоосновы со значением ‘круглый’ 85
2.5. Типовые топоосновы со значением ‘кривой’ 89
2.5.1. *Kovera-* / *Ковер-* 90
2.5.2. *Viärä-* / *Вир-* 97

2.5.3. *Polvi-* 114
2.5.4. *Kolmisoppi*, *Kolmikolkka* 117
2.6. Образная номинация в обозначении формы географического объекта 122

Глава 3. Модельные топоосновы, характеризующие относительное расположение географического объекта. 143
3.1. Топоосновы, обозначающие расположение объекта на местности по сторонам света 146
3.2. Топоосновы со значением ‘передний’ и ‘задний’ 153
3.2.1. *Taga- ~ Taka-*. 154
3.2.2. *Perä-* 157
3.2.3. *Occa- ~ Occu-* 160
3.3. «Ближние» и «дальние» топонимы 162
3.3.1. *Sydän- ~ Syväin-*. 163
3.3.2. *Perse- ~ Perze-*. 167
3.4. Топоосновы со значением ‘расположенный между или напротив’ 168
3.4.1. *Väli-*. 168
3.4.2. *Poikki-* 169
3.4.3. *Yličči-* 172
3.4.4. *Kohta- ~ Kohtu-* 172
3.5. «Верхние» гидронимы Карелии 175
3.5.1. Гидронимная основа **Ylä-* и ее фонетические варианты. 176
3.5.1.1. **Ylä-* в сочетании с диминутивным / атрибутивным формантом 179
3.5.1.2. **Ylä-* в сочетании с суффиксом, имеющим суперлативную семантику 181
3.5.1.3. **Ylä-* в сочетании с суффиксом **-kse-* 186
3.5.2. *Latva- ~ Ladva-* / *Ладв-* 192
3.5.3. **Kerak-* / *Керак-* 193
3.5.4. *Piä- ~ Pää-* 193
3.5.5. *Oiva-* 195
3.5.6. *Kač-* / *Кач-*, *Ketse-* 196
3.5.7. *Kuš- ~ Kuž-* 197
3.6. Топоосновы с ‘боковой’ семантикой 198
3.6.1. *Lap-* / *Лап-* 198
3.6.2. *Piele-* / *Пил- ~ Пел- ~ Пял- ~ Пал-* 205
3.7. Топоосновы с ‘поперечной’ семантикой 212

Заключение 215
Список сокращений 228
Список литературы и источников 232
Указатель топонимов 240
Список детерминантов прибалтийско-финских топонимов 267

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мир географических названий богат и разнообразен. Чем более освоена территория, чем богаче рельеф местности, тем шире список топонимов. Полевые сборы топонимии в Карелии и на смежных территориях Северо-Запада России свидетельствуют о том, что в окрестностях одного куста поселений удается зафиксировать до 400–500 названий — от наименований отдельных частей населенного пункта, окружающих его водных объектов до топонимов, называющих полосы в полях, одиночные камни или деревья. На первый взгляд может показаться, что выбор названий произволен, свободен от всякого рода ограничений. Однако анализ принципов называния убеждает в том, что он ограничен многими обстоятельствами. Топоним образуется и существует не сам по себе, но в рамках определенной системы, по образцам, моделям, использующимся в данное время и на данной территории. Эти образцы человек усваивает вместе с языком и обращается к ним, когда сам оказывается в ситуации имятворчества — присваивает названия географическим объектам, в том числе и на вновь освоенных территориях. Поэтому выявление и последующее картографирование топонимов, дифференцирующих определенный этноязыковой коллектив, позволяет реконструировать исторические границы этнических ареалов или пути, по которым происходило освоение новых территорий. Для эффективной реконструкции принципиально важно вычленить из топонимического массива территории те структуры (топоосновы или форманты), которые несут в себе такой этноисторический заряд.

В отечественной ономастике довольно основательно разработаны отдельные позиции общей теории формирования и функционирования топосистем (например, бинарная оппозиция, мотивы номинации и проч.). Однако понятие ***топонимной модели***, которая имеет временные и географические рамки существования и опосредует процесс называния новых объектов, до сих пор не внесено в ряд ключевых. Показательно, что даже термин «модель» практически не получил использования применительно к топонимическим основам. Между тем понимание формульности топонимии как основополагающего принципа организации топонимической системы (как на уровне структу-

ры названий, так и использования топооснов, в том числе образных, и стоящих за ними мотивов номинации) способствует познанию такого феномена, как топоним. Значимость теоретического обоснования роли модельности в топонимии заключается в том, что оно устанавливает критерии истинности топонимической этимологии. Этимологизироваться должно не одно отдельно взятое название, но название как элемент целостной системы, с учетом существовавших в регионе на время появления топонима моделей номинации, набора топооснов.

В предпринятом исследовании «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте» выявляются и описываются те модели называния, которые использовались в топонимии Карелии и смежных территорий для характеристики формы, размера и относительного расположения озерных объектов[1]. Выбор обусловлен массовостью этих групп топонимов в Карелии, а также возможностью проверить топонимическую информацию картографической — обликом (размер, форма, взаимное расположение и т. д.) названных объектов на топографических картах, что является критерием надежности анализа. На обширном материале сделана попытка доказать, что номинация происходит в рамках известных в данное время и на данной территории моделей именования — морфологических типов, лексических топооснов, семантических классов. В свою очередь, ареальные и временные рамки бытования моделей позволяют использовать их для реконструкции этноязыковой и историко-культурной ситуации.

Исследование основано на полевых материалах, собранных сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН и хранящихся в Научной картотеке топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН (более 300 тыс. единиц хранения), и создающейся на ее основе ГИС «Топонимия Карелии», позволяющей проводить геокодирование топонимов с привязкой названия к объекту называния и тем самым отслеживать образы, лежащие в основе номинации. Кроме того, привлекались материалы Национального архива Республики Карелия, данные топографических карт и атласов, письменных источников XV–XIX вв., а также материалы картотек Топонимической экспедиции УрФУ (г. Екатеринбург) и Научного топонимического архива Финляндии (Suomen nimiarkisto, KOTUS), электронных ресурсов karttapaikka.fi, retkikartta.fi.

[1] Под озерными объектами, помимо собственно озер, понимаются острова, мысы, заливы, проливы — т. е. географические объекты, являющиеся частью озерной системы.

В ходе работы осуществлено картографирование ряда выявленных моделей (подготовлена 21 топонимическая карта), что позволило обосновать их распространение, проанализировать причины ареальной дистрибуции некоторых из них. На основе ареально-типологического метода исследования прослеживаются ареальные связи модельных топооснов на прибалтийско-финской и русской (обрусевшей) территориях Карелии, предлагаются подходы для определения относительного возраста моделей и дается этноязыковая интрепретация полученных ареалов.

Работа включает в себя теоретическое введение — «Топонимический метод в исследовании топонимии Карелии», в котором изложены основные положения методики, разработанной авторским коллективом с использованием предшествующих наработок российских и финляндских исследований, а также собственных изысканий. Она основывается на том, что присвоение названия географическому объекту происходит не произвольно, но опосредовано существующей на данной территории в данное время у данного этноязыкового коллектива топонимической системой, по готовым моделям и образцам, усвоенным создателем топонима вместе с языком. Это делает топонимию надежным языковым и этноисторическим источником.

Во втором разделе введения также предложен обзор некоторых результатов, полученных авторским коллективом в применении ареально-типологической методики анализа топонимов для реконструкции этнокультурной истории региона.

В главе 1, «Типовые топоосновы для отражения размера географического объекта», анализируются типовые квалитативные модели, характеризующие размер водных объектов и их частей. В центр внимания вынесены их частотность, приоритеты в назывании определенных типов объектов, ареалы бытования и относительная хронология. Доказывается хронологическая и географическая приуроченность некоторых из названных топооснов (*Enä-*, *Jalo-*, *Vähä-*, *Tobie-*, *Pikkaraini-*), которая использована как критерий для реконструкции путей проникновения моделей и, соответственно, стоящего за ними этноязыкового коллектива, а также границ этнических ареалов в прошлом.

Во второй главе, «*Кривые озера* и *Толстые мысы*: типовые топоосновы, характеризующие форму географического объекта», выявляется и описывается набор топооснов, которые используются в топонимах для характеристики формы объектов — относительно небольших, позволяющих эту форму увидеть. Список включает как прямые, так и образные, метафорические названия. Последние существенны в плане

отражения народной картины мира. Как и в первой главе, выявление типовых топооснов и характерных моделей называния сопровождается их ареальным анализом, который выводит на реконструкцию этноисторических процессов. С точки зрения теории ономастики важна доказанная в ходе исследования привязка определенных топонимных моделей к определенному виду ландшафта.

Теоретические проблемы ономастики поднимаются и в третьей главе, «Модельные топоосновы, характеризующие относительное расположение географического объекта», в связи с обнаружением избирательности топонимической системы в ситуации выбора топооснов из ряда семантически равнозначных лексем. Основной же пафос этой главы вновь нацелен на ареальный анализ моделей и вытекающую из него реконструкцию этноисторических процессов. Наряду с прибалтийско-финским материалом рассматриваются и некоторые древние маркерные единицы, имеющие доприбалтийско-финские корни. В связи с этим предложен ряд финно-угорских этимологий, опирающихся, с одной стороны, на реальное расположение названных объектов внутри водной системы, с другой — на праязыковые (фонетические) закономерности (топоосновы *Iles-* / *Илекс-* ‘верхний’, *Piele-* ~ *Päl-* / *Пел-* ~ *Пял-* ‘боковой’ и др.). Добавим, что этимологические изыскания проводятся во всех трех главах исследования. При этом значение прибалтийско-финских лексем, к которым восходят топонимы и их элементы, приводится по словарям карельского, вепсского и финского языков без указания на конкретный источник. Список привлеченных для этих целей словарей размещен в разделе «Список словарей и источников».

Введение

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИССЛЕДОВАНИИ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ИСТОРИИ КАРЕЛИИ

Обращение к топонимам как к надежному источнику реконструкции этнических и культурных процессов, происходивших в прошлом, имеет давние и прочные традиции. «Язык земли», как образно называл географические названия русский ученый Н. И. Надеждин, востребован и в исследовании этнического прошлого территории Русского Севера. Уже в ранних публикациях отмечается многослойность топонимии северных территорий как свидетельство многоэтапности их освоения. Наиболее убедительных результатов в исследовании субстратной топонимии Русского Севера достигла, безусловно, уральская топонимическая школа во главе с А. К. Матвеевым [Матвеев 2001–2007]. Свои наработки, связанные с топонимическим ландшафтом примыкающих к Русскому Северу территорий Обонежья, Поморья и Приладожья, предложены карельскими исследователями (см., например, [Муллонен 2002; Kuzmin 2014; Захарова 2015]). Интересные и чрезвычайно перспективные для дальнейшего исследования результаты достигнуты в последнее время финляндскими топонимистами.

Этнолингвистический потенциал топонимии базируется на целом ряде объективно присущих ей особенностей. Массовость топонимического материала позволяет оперировать большим количеством названий, что выгодно характеризует топонимию на фоне отрывочных и в массе своей поздних письменных источников или этнически плохо интерпретируемых и к тому же обычно неполных археологических свидетельств.

Чрезвычайно ценным в связи с возможностью функционирования топонима как адреса даже после утраты создавшего его языка является то, что в топонимических системах тех территорий, на которых происходило или происходит языковое контактирование, присутствуют топонимы иноязычного происхождения. Именно они являются одним из наиболее существенных источников этноязыковой информации.

Язык происхождения топонимов традиционно использовался в истории ономастики для решения этногенетических проблем. К настоящему времени выработан целый ряд методов анализа субстратной топонимии, обеспечивающих бóльшую надежность этимологической интепретации (см., например, [Матвеев 1986; Saarikivi 2006]), а также осознана необходимость выявления принципов усвоения иноязычной топонимии топонимической системой-преемником. Без этих систематизирующих знаний этимологическое исследование лишается необходимого каркаса в виде закономерностей языкового взаимодействия контактирующих топосистем.

Ценность топонимии как этноисторического источника вытекает также из того, что топоним при происхождении мотивирован, а слово, положенное в основу названия, отражает определенный признак, качество названного объекта. При этом выбор признака для наименования определяется уровнем общественно-исторического развития того коллектива, который создает топонимическую систему. При кажущемся разнообразии топонимов на самом деле набор их достаточно ограничен. Выявляется множество повторяющихся топонимов, причем чем шире территориальные границы привлекаемого материала, тем больше повторений. В условиях единой культуры, сходных естественно-географических условий представления людей об окружающем мире в основных, определяющих чертах едины. А это значит, что создается психологическая предпосылка для выбора одного и того же признака географического объекта в качестве мотива номинации на разных участках территории. Замечено, например, что названия, созданные народом, экономика которого основана на промысловой культуре, нередко нагляднее и образнее, а топонимы, указывающие на какие-либо события, связаны в большей степени с кочевым бытом, чем с земледельческим. Установление частнособственнических отношений повлекло за собой появление наименований, в которых фиксируется имя владельца или его социальное положение. Анализ типовых основ вепсской топонимии характеризует ее как имеющую утилитарную направленность. Вепсская топонимия достаточно последовательно отражает то, что целесообразно с точки зрения хозяйственного назначения. Основной пафос номинации — географическая реалия как объект хозяйственного использования. В соответствии с этим одни объекты ландшафта получают названия, другие — нет. В регионе вепсского Межозерья мало безымянных водоемов: даже те из них, что располагались в глуби лесов, далеко от поселений, были функциональны в качестве, например, водных дорог или мест рыбалки. В то же время огромные лесные массивы не имеют особых названий: очевидно,

нужды населения обеспечивались лесами, прилегавшими к поселению. Возвышенные участки рельефа (горки, холмы, кряжи) в силу того, что к ним привязываются и поселения, и сельскохозяйственные угодья, интересуют вепсскую топонимию значительно больше, чем низинный рельеф. Из всего многообразия мира флоры в топонимии закрепились, прежде всего, те его представители, которые имеют определенную практическую ценность для человека. Какая-нибудь неприметная *вахта трехлистная* (лат. *Menyanthes trifoliata*, вепс. *vehk*) оказывается для топонимии значительно важнее многих прочих растений, поскольку широко применялась в жизни местного населения. Ее использовали в народной медицине, корень ее в голодные годы добавляли в хлеб. Именно этим обусловлены многочисленные *Вехкозера* и *Вехкручьи* на вепсской и смежной обрусевшей территории. Топооснова *vehk-* входит в число четырех самых частотных вепсских топооснов из мира флоры. Такая утилитарная направленность вепсской топонимии продиктована, очевидно, производящим характером культуры вепсского населения. Сельское хозяйство — основа экономики, и этим определяется во многом взгляд на окружающий мир [Муллонен 2002].

С другой стороны, выбор признака, положенного в основу географического названия, диктуется не только уровнем социального развития и экономическими приоритетами общества. Использование топонимии в целях этноисторических исследований должно опираться на знание закономерностей онимической номинации, на то, что отражение реального мира и реальных отношений преломляется через призму топонимической системы как определенного организующего начала образования и функционирования географических названий. Следует учитывать, что основная функция названия — адресная. Топоним идентифицирует объект, отличает его от ряда подобных, а не описывает его свойства. Поэтому при акте номинации приходится принимать во внимание окружающую топонимию, особенно названия объектов одного разряда, и отказываться от тех возможностей называния, которые уже реализованы. В противном случае адресность не будет выполняться. Это не значит, однако, что за основу номинации может быть взят некий нереальный, несуществующий признак. Выбор происходит в рамках реально существующих особенностей географического объекта. Это означает, что единый для ряда однородных географических объектов признак редко кладется в основу номинации. Из двух расположенных рядом круглых по форме озер лишь одно может быть названо *Круглым*, второе же должно идентифицироваться по какому-то другому признаку: рыбности, цвету и качеству воды, освоенности берегов и т. д.

Выбор признака объекта, отраженного в топониме, обусловлен, таким образом, рядом обстоятельств (следует отметить человеческий фактор, временной фактор, природные особенности), среди которых важная роль принадлежит закономерностям ономастической системы. Носитель языка вместе с языком усваивает и систему окружающих его топонимов. Последняя становится для него моделью, когда он сам оказывается перед необходимостью имятворчества, т. е. вынужден присваивать имена географическим объектам.

Термин «***модель***» традиционно используется в российской топонимике применительно к топонимическому словообразованию [Подольская 1978: 99], хотя, например, в славянской ономастике содержание его шире и включает и лексико-семантическую составляющую. В свое время об этом писал Э. Эйхлер, отмечая, что топонимическая модель является единством исходной (наименования объектов посредством определенных лексем) и словообразовательной моделей, а Р. Шрамек обращал внимание на временной и пространственный фактор бытования топонимических моделей.

Понятие «модели» является одним из основополагающих в прибалтийско-финской топонимической науке (см., например, [Kiviniemi 1977]), которая исходит из того, что новые топонимы создаются в рамках существующих морфологических типов, лексических топооснов, семантических классов. Бытование таких моделей оказывается чрезвычайно ценным для этнолингвистических изысканий, поскольку часть их имеет достаточно четко очерченные ареалы, формирование которых может быть увязано с экспансией определенных групп населения, историей образования этнических территорий, границ и т. д.

В данной работе термин «модель» используется широко: не только применительно к топонимическому словообразованию, морфологическим типам, как это традиционно принято в российской топонимике, но и к лексическим топоосновам — в русле прибалтийско-финской топонимической школы. Собственно, проблема топонимической модели тесным образом соприкасается с проблемой типовых топооснов — наиболее характерных лексических элементов, апеллятивов, которые, подвергаясь топонимизации, реализуются в наибольшем числе топонимов. В силу того, что основной структурной моделью в прибалтийско-финской топонимии являются сложные названия, выделяются типовые атрибутивные элементы и типовые детерминанты. Высшим проявлением модельности можно, видимо, считать устойчивые сочетания, комбинации детерминанта и определяющего его атрибута. В них, с одной стороны, реализуется типовая структурная модель сложных

топонимов, с другой — типовые топоосновы, которые к тому же организованы в наиболее частотные комбинации (*Levie*/*lakši* ‘Широкий залив’, *Paksu*/*niemi* ‘Толстый мыс’, *Viärä*/*koski* ‘Кривой порог’, *Toraz*/*järvi* ‘Поперечное озеро’ (саамская модель) и т. д.) и многократно повторяются в топонимии Карелии или отдельных ее районов. При этом выявляется, что некоторые комбинации, которые, казалось бы, вполне укладываются в закономерности номинации, тем не менее, оказываются невостребованными топосистемой. Залив может быть широким (*Levie*/*lakši*), но не толстым, в то время как мыс, наоборот, определяется как толстый (*Paksu*/*niemi*), но не широкий. Понятно, что топонимия не сводится только к моделям, однако это объективная тенденция, и исключения только подтверждают ее. В данном исследовании в центр анализа вынесены модели озерной гидронимии, идентифицирующие объекты по форме, размеру и взаимному расположению. Это объемный и в достаточной степени разнообразный материал, представленный как прибалтийско-финским, так и более древним финно-угорским списком топооснов. При этом модели не универсальны, они варьируются территориально и хронологически.

По мере углубления ономастических исследований становится очевидным, что топонимия является элементом системы, предполагающей образование географических названий по моделям, характеризующимся временно́й и географической приуроченностью. Определенные модели именования продуктивны определенное время, и это дает исходную возможность к поиску хронологических рамок бытования той или иной топонимной модели. Исходя из того, что ойконимы *-l-*ового типа (*Rahkoil*, *Ozroil*, *Vingl*) в вепсском ареале функционируют практически исключительно как названия, образованные от нехристианских имен, есть основания полагать, что модель рано утратила здесь свою продуктивность. Если к этому добавить, что в большинстве случаев это названия гнезд поселений, при этом ареал модели в значительной степени накладывается на ареал средневековых приладожских курганов X–XIII вв., то относительная хронология модели может приблизиться к абсолютной, а выявление полного ареала топонимов, образованных по искомой модели, позволяет уточнять предполагаемые границы археологического ареала.

Существование таких моделей оказывается чрезвычайно ценным для этнолингвистических изысканий, поскольку часть их (т. е. моделей) имеет достаточно четко очерченные ареалы, формирование которых может быть увязано с экспансией определенных групп населения, историей образования этнических территорий, границ и т. д. В ходе колонизации

новых земель люди естественно опирались на ту систему топонимов, которая была им известна, и в рамках ее присваивали имена в освоенном ареале. Использовались те же структурные модели (например, набор суффиксов), те же семантические и лексические типы (к примеру, модели метафорических топонимов типа *Железные Ворота* для речных порогов или *Kukoinhar'j*, букв. 'петушиный гребень' для называния возвышенностей и др.), которые были известны и на материнской территории. Наиболее адекватно суть термина «модель» отражает как раз повторяемость топонимов, перенос и неоднократное использование их как готовых образцов на новых местах.

Для исследования истории заселения территории наиболее продуктивно использование моделей, которые характеризуются хронологической и географической приуроченностью, т. е. популярных лишь в какой-то ограниченный промежуток времени или представляющих топонимическую систему определенной локальной группы населения. В этом случае их ареал не размыт и поддается интерпретации. Использование ареально-типологического метода, основанного на этнолингвистической интерпретации ареалов бытования отдельных топонимных моделей, в последние годы значительно расширило представление о происходивших в прошлом (отдаленнном и не столь отдаленном) на территории Европейского Северо-Запада этноисторических процессах.

Далее коротко представлены основные наработки авторского коллектива в использовании ареально-типологической методики для реконструкции этноязыковой карты Карелии и смежных областей.

Карельское наследие на этноязыковой карте территории представляет собой верхний нерусский пласт многослойной топонимии. Археологические свидетельства надежно привязывают формирование карельского этноса на рубеже I–II тысячелетий н. э. к территории Северо-Западного Приладожья [Кочкуркина 2012; 2017], природно-климатические и ландшафтно-географические особенности которого предопределили образование этой «колыбели» (по Д. В. Бубриху) карельского этноса. Среди последних — система водно-волоковых путей, обеспечивавших выход в Приботнию и на Финский залив. Исключительную роль в формировании карельского этноса сыграла т. н. ладожская регрессия, связанная с подъемом суши и, соответственно, понижением уровня воды у северного побережья озера. Отступившая вода освободила плодородные ложбины, которые были позднее превращены в сельскохозяйственные угодья и сыграли ведущую роль в формировании карельского этноса и становлении системы его расселения. Здесь, на берегах заливов

с плодородной почвой, на рубеже I и II тысячелетий н. э. образуется устойчивая во времени система поселений. Показательно, что маркированные крепостями ключевые места старинной карты, сформировавшейся еще на древнекарельском этапе освоения территории, оставались неизменными на протяжении многих столетий, несмотря на перипетии истории. Деревни, зафиксированные в Писцовой книге Водской пятины 1500 г. — наиболее полном и раннем письменном источнике, описывающем территорию карельского Приладожья, повторены на шведской карте XVII в. и благополучно дожили до середины XX в. При этом в источнике 1500 г. большинство поселений является разросшимися многодворными образованиями, что свидетельствует об их появлении в более раннее время. Дополнительным обстоятельством для формирования традиционной карельской системы расселения, приуроченной к озерным заливам, была предоставляемая ландшафтом возможность организации их защиты от нападений с помощью системы укреплений, крепостей, располагавшихся на возвышенных участках побережий или островах, запиравших вход в залив.

Современная диалектная карта карельского языка охватывает более обширную территорию, чем та, которая реконструируется в Приладожье к началу II тысячелетия. Она формировалась в ходе неоднократных волн переселения карелов из Приладожья, вначале как промысловое освоение, а затем и оседлое заселение в XIII–XVIII вв. Особую роль в процессе переселения карелов на территорию современной Карелии и далее на юго-восток сыграло, как известно, многовековое русско-шведское противостояние, превратившее на многие столетия коренные карельские земли в поле боевых действий.

Приток карельского населения на восток происходит особенно активно в XVII в. из попавшего под власть Швеции в 1617 г. Корельского уезда. Карелы уходят из родных мест в Северном Приладожье, и именно в это время Карелия становится по-настоящему карельской. При этом с целью скрыть перебежчиков от шведских властей воеводе поручалось отсылать их из пограничных уездов к Москве, на Белоозеро, на Вологду и в другие отдаленные от границы места. Карелы селились в монастырских владениях Белозерского края и Двинского уезда, уже в 20-х гг. XVII в. они встречаются во владениях Соловецкого монастыря в Каргопольском уезде. Значительное количество переселенцев жило в отдаленном северном Антониево-Сийском монастыре и на его землях по Северной Двине.

Привлечение топонимического материала позволяет очертить широкий ареал карельского расселения к востоку от Онежского озера,

на территории Русского Севера. Показательны в этом отношении топонимы с этнической основой *Карел-* / *Корел-*: *Кореловщина*, *Корелка*, *Карелин лес*, *Карельский ручей*, *Карельское озеро*, *Карельские острова*, *Карельщина*, *Корельский островок*, *Кореловo*, *Карелы*, *Карельский Конец*, *Корелова гора*, *Карельская деревня*, *Подкарельская деревня*, *Корельский бор*, села *Большекорельское* и *Малокорельское* и др. Речь, как правило, идет о микротопонимах — наименованиях незначительных по размерам и социально малозначимых объектов, хорошая сохранность которых должна быть увязана с их относительно молодым возрастом. Ареал обозначенной топоосновы тянется от Восточного Обонежья до бассейна Северной Двины. Как правило, топонимы этого типа маркируют бóльшие или меньшие очаги карельских переселенцев XVII в. на территорию, занятую русским, в некоторых случаях вепсским населением. Обрусев, сменив этническое самосознание на русское, карельские мигранты сохранили о себе память в традиционной культуре и местных русских говорах этого обширного региона.

Карелы, судя по всему, расселялись дисперсно, подселяясь в уже бытовавшие поселения или образуя новые. «Карельскость» проявляется в определенных очагах, но не покрывает территорию равномерно. В качестве примера такого очага можно привести куст поселений *Фоймогуба* в Заонежье. По Писцовым книгам Обонежской пятины XVI в. [ПКОП: 147] известно, что в то время здесь появляется несколько новых семей («вновь прибывшие»), при этом родовые патронимы (еще не фамилии) новопоселенцев позволяют утверждать, что они являются карельскими выходцами и их появление в глуби Заонежского полуострова вызвано нестабильностью обстановки на Карельском перешейке в связи с русско-шведскими войнами: Кипр Иванов *Кярзин* (ср. карел. *kärzä* ‘рыло; некрасивое лицо’), Ушак *Пекуев* (*Pekoi*, *Pekui* — карельский вариант русского календарного мужского имени Петр), братья Манулко и Иванко *Патракеевы* (*Патракей*, ср. карел. *Patro*, *Patroi* — именно этот карельский оригинал закрепился в названии деревни *Патрово* в Фоймогубе), Якимко Яковлев *Лопаков* (карельский прозвищный патроним, происхождение которого не вполне ясно). Упомянутые в документе исторические персонажи сохранили память о себе в названиях деревень, ими основанных в местности Фоймогуба: *Кярзино*, *Пековка*, *Патрово*, *Лопаково*. Возник, таким образом, карельский очаг в центре к тому времени уже русского Заонежского полуострова.

«Кореляне», судя по нашим материалам, продвигались на восток, на территорию современной Карелии и Русского Севера, разными

путями, которые возможно реконструировать, применяя ареальный анализ дистрибутирующих карельских топонимных основ. Так, северный путь, тянущийся из Приладожья в Поморье по путям карельской экспансии, использовавшимся в Средневековье, демонстрируют топонимы с основой *Nilas- ~ Nilos-* / *Нилакса*, в которых закрепился карельский географический термин *nilas* или *nilos* (основа *nilakse- ~ nilokse-*) со значением ‘подводная или омываемая водой скала’ [Кузьмин 2007].

Другой путь — обонежский, выходивший по внутренним водным путям через Онежское озеро в Заволочье. Он подтверждается, к примеру, ареалом карельской топоосновы *Jylmäkkä-* (*jylmäkkä* ‘гора с крутыми склонами’). Будучи плотным и насыщенным в Северном Приладожье, по мере продвижения на восток он редеет, но доходит до р. Онеги [Захарова, Муллонен 2012].

Исследования последнего времени надежно доказывают, что вместе с карельскими переселенцами на восток оттягивалось и некоторое количество этнически финского населения. Об этом свидетельствуют топонимы с основой *Ruotsi-*, букв. ‘швед, шведский’, но карелы обозначали словом *ruotsi* и финское население, подданных Шведского королевства. Эти названия представлены вдоль основных путей карельской экспансии, подтверждая тем самым, что среди переселенцев были и финны — представители саво. Вопрос о продвижении жителей Саво (саволаксов) на территорию Карелии до сих пор специально не ставился, поскольку в распоряжении исследователей не было надежного дистрибутирующего материала. Исследования в области топонимики предоставляют такой материал, показывая, в частности, что топонимы с дифференцирующими саволакскими моделями обнаруживаются не только в западных областях Карелии, но и в Поморье, и в небольшом количестве в Обонежье [Кузьмин 2011].

Карельская топонимия на территории Русского Севера представляет собой верхний пласт многослойной субстратной топонимии. При этом произошло ее наложение на более раннюю, близкородственную в языковом отношении, вепсскую топонимию этого региона. В силу значительного тождества двух родственных топосистем их идентификация, особенно в условиях русской адаптации, вызывает сложности. Тем не менее усилиями как карельских, так и работающих в области субстратной севернорусской топонимии екатеринбургских исследователей к настоящему времени выявлены некоторые маркеры, позволяющие это делать.

Исследования в области вепсской топонимии доказывают, что она представлена далеко за пределами ареала современного вепсского

расселения и реконструирует, таким образом, историческую вепсскую этническую территорию, которая занимала область с центром в Обонежье. Ранний этап (конец I тыс. н. э.) в ее формировании был привязан, судя по известным археологическим памятникам — курганам, к нижней, приустьевой части рек Юго-Восточного Приладожья. Одновременно, однако, уже намечались основные направления дальнейшего освоения территории — Обонежье и Белозерье. Археологически они маркированы памятниками приладожской курганной культуры рубежа I–II тыс. н. э. При этом археологический ареал накладывается на ареал одной показательной топонимной модели, и это обстоятельство позволяет уточнить границы первоначальной вепсской территории. Имеются в виду названия поселений с формантом *-l*, который в ходе русской адаптации преобразовался в *-ичи* / *-ицы*: *Karhi**l*** — *Каргин**ичи***, *Reboi**l*** — *Ребов**ичи***, *Ter**l*** — *Тервин**ичи***, *Hamara**l*** — *Гоморов**ичи***, *Ving**l*** — *Винн**ицы*** и др. Это названия своеобразных вепсских «родовых» деревень, центров, откуда происходило затем вторичное заселение территории. Два топонима этой модели — «в Тервиничех» и «у Вьюнице» — упомянуты уже в XIII в. в приписке к Уставу Святослава Ольговича — самом раннем из известных науке документов по территории вепсского Присвирья. Важно, что данная топонимная модель маркирует земледельческий тип поселений.

Дальнейшее освоение вепсами территории и границы этого продвижения в Обонежье с выходом на Онежско-Беломорский водораздел на севере, западные притоки реки Онеги на востоке и северное Белозерье на юге также реконструируются по данным топонимии [Муллонен 2012]. При этом оказалось, что границы вепсских топонимных ареалов коррелируют с границами Обонежской пятины — исторического административного подразделения, образовавшегося в XV в. в связи с присоединением новгородских земель к Москве. Это обстоятельство позволяет предполагать, что указанная административная единица объединяла земли с вепсским населением. Иначе говоря, административные подразделения, существовавшие на территории средневековой Карелии, могли носить этнический характер. Топонимический материал позволяет увидеть то, что невозможно проследить по письменным источникам. Восточная граница исторической вепсской территории, судя по топонимическим материалам, проходила в восточном Поонежье, с выходом из верхнего Поонежья, от р. Онега через оз. Лача к Белому озеру. Ее формирование обусловлено, конечно, древнерусским продвижением в Белозерье и далее через транзитный Ухтомский волок к верховьям реки Онеги и затем вниз по Онеге в Поморье. Оно подпирало

с юго-востока вепсское расселение и препятствовало его распространению в бассейн Онеги и Белого озера.

Другой новый для вепсологии вывод, вытекающий из ареального анализа вепсской топонимии, касается экономических предпосылок освоения вепсами северных территорий. Традиционно на основе анализа археологических материалов считалось, что вепсское продвижение на север Обонежья было продиктовано промысловым освоением. Однако картографирование вепсских топонимов не вполне подтверждает этот вывод. Оказалось, что из карты в карту северная граница вепсских топонимных ареалов пересекает центральную Карелию и проходит от северо-западного угла Ладожского озера на западе к Выгозеру на востоке, т. е. по северной границе Онежско-Ладожского водораздела. Почему вепсы в своем движении на север остановились тут и не пошли дальше? Ответ, видимо, заключается в том, что северный предел исторического вепсского этнического ареала, маркированного дистрибутивными вепсскими топонимными моделями, повторяет очертания северной границы зоны среднетаежных сосновых лесов, а также южной климатической зоны. Иначе говоря, вепсское расселение на север определялось, видимо, ландшафтно-географическими и климатическими факторами, что связано не столько с промысловым, сколько с сельскохозяйственным характером освоения средневековыми вепсами северных территорий. Природная граница оказывается и культурной, отделяющей территорию, наиболее благоприятную для ведения земледелия в северных условиях, от районов, где таковое малоэффективно. Сельскохозяйственный, а не промысловый характер культуры сформировал северную границу вепсской территории.

Если верхние пласты субстратной топонимии региона обследования — карельский и предшествовавший ему вепсский — при всех имеющихся вопросах все-таки интерпретируются в целом однозначно, то анализ более ранних пластов наталкивается на значительные сложности. Установление того особого языкового типа, а вернее, тех особых языковых типов, которые бытовали на Русском Севере, — самая актуальная задача в области субстратной топонимии этого региона в настоящее время. Вопросы, поставленные уже первыми исследователями Европейского Севера России (Русского Севера), остаются по-прежнему актуальными: с каким дославянским населением соприкоснулись новгородцы, продвигаясь на восток по транзитным водноволоковым путям, на каком языке говорила заволочская чудь, можно ли отождествлять весь с вепсами и как далеко на юг распространялись в прошлом саамы? На эти вопросы современные исследователи

отвечают по-разному. Однако при всем разнообразии подходов в них всех есть общее — констатация некоего языкового состояния, для интерпретации которого необходимо привлечь данные родственных, территориально смежных финно-угорских языков. Благодаря исследованиям А. К. Матвеева широкое распространение получила саамская теория, в соответствии с которой обширные пространства на Европейском Севере — от Скандинавии на западе до Урала на востоке — были населены предками современных саамов. Она основана на широком бытовании здесь топооснов, этимологизирующихся из саамского языка. Однако исследования последнего времени свидетельствуют о том, что поиски саамского наследия должны быть сопряжены с решением проблемы этногенеза саамов. Известно, что в саамском языке существует два принципиально важных пласта лексики: финно-угорский, единый с прибалтийско-финскими (и в целом финно-угорскими) языками, и субстратный, истоки которого затемнены. В последнее время он определяется многими исследователями как палеоевропейский [Aikio 2012]. Иначе говоря, саамские и прибалтийско-финские языки восходят к единым праязыковым истокам, однако в саамских, в отличие от прибалтийско-финских, присутствует субстратный элемент — языковое наследие того автохтонного населения, которое было поглощено финно-угорскими переселенцами в ходе продвижения на север. В связи с этим показательно, что картографирование выявило важную закономерность в ареальной дистрибуции саамских топооснов. Оказалось, что ареал топонимных основ, восходящих к финно-угорскому наследию, значительно смещен на юго-восток на фоне ареала топооснов, в которых представлена саамская лексика, не имеющая параллелей в прибалтийско-финских и вообще финно-угорских языках. На эту особенность обратил внимание финляндский исследователь Янне Саарикиви [Saarikivi 2004].

Другими словами, саамский язык понимается как образование, возникшее на территории Карелии, с юго-восточной границей в Обонежье, в результате наложения финно-угорского языкового типа на субстратный. В последнее время удалось уточнить языковое наполнение финно-угорского пласта. На место термина *прибалтийско-финско-саамский праязык* (фин. varhaiskantasuomi, англ. Proto-Finnic) пришла дефиниция *западная ветвь уральской языковой семьи*, т. е. такой праязык, который может считаться общим предком прибалтийско-финских, саамских и мордовских языков [Saarikivi 2014].

В этом контексте встает вопрос о правомерности отнесения к сугубо саамскому наследию той финно-угорской топонимии на территории

современной Архангельской области, которая традиционно интерпретируется как саамская. Видимо, речь должна идти не о собственно саамском, а о квазисаамском, т. е. древнем финно-угорском, языковом наследии, едином для прибалтийско-финских, саамских и мордовских языков, которое на более западных территориях преобразовалось в результате поглощения субстратного языкового элемента в прасаамский язык.

По мере накопления новых материалов о дославянском этноязыковом ландшафте Русского Севера становится понятным, что на этой обширной территории проживали разные финно-угорские коллективы, языки которых занимали промежуточное положение между пермскими, волжскими и прибалтийско-финско-саамскими языками. При этом топонимия в силу обозначенных выше причин рассматривается в качестве основного источника реконструкции языковой ситуации региона в I тысячелетии н. э. Ведется поиск топооснов и формантов, дистрибутирующих разные языковые типы, выявление т. н. бинарной оппозиции, когда в одном значении использованы разные топоосновы. Примером такой бинарной оппозиции, позволяющей говорить о границе двух этнических ареалов в Белозерье, может служить ареальное противостояние топонимных элементов *-солово* и *-сарь*, использующихся активно в названиях островков на болоте. За первым стоит, очевидно, древний ландшафтный термин, выступающий в ряде прибалтийско-финских языков (финские говоры *salo*, эстонский *salu*), а также в саамском (*suolo* < **sōlōj*) в значении ‘остров, в том числе на болоте’ [SSA]: *Чёлсолово*, *Карсолово*, *Кейбосолово*, *Шаньшолово*. При этом с позиций фонетического облика он не может быть интерпретирован как прибалтийско-финский. Ареал топонимов с элементом *-соло(во)* тянется от р. Суды на восток к Белому озеру. Кроме того, к востоку от Белого озера обнаруживается еще два, более компактных очага этой модели — в районе оз. Воже и верховьях р. Моши на западе Архангельской области. Существенно важно в этой ситуации, что севернее в той же функции используется элемент *-сарь*, имеющий явные вепсские корни, ср. вепс. *sar’* ‘остров’: *Сосарь* ‘болотный остров’, *Койсарь* ‘березовый остров’, *Персарь* ‘задний остров’. Граница, разделяющая две названные модели — вепсскую и финно-угорскую, более конкретные истоки которой не определяются, проходит от северного берега Белого озера к оз. Воже. Знаменательно, что эту же границу повторяют ареалы некоторых других финно-угорских в широком плане топооснов. Данный белозерский ареал в комплексе с этимологической трактовкой термина, а также выявленной ареальной оппозицией *-сарь* и *-солово*

позволяет предполагать в *-солово* языковое наследие древнего невепского населения данной территории [Макарова, Захарова 2016].

Наука постепенно продвигается в понимании происходивших на севере процессов и в этимологической интерпретации отдельных топонимов. К примеру, расшифрованы истоки топоосновы *Ухт-*, воплотившейся в названиях многих десятков больших и малых рек на Европейском Севере России (*Ухта*, *Ухтома*, *Ухтинжа*, *Уфтюга*, *Ухтынгирь* и мн. др.). Дискуссия о данной топооснове давно велась в топонимических исследованиях, было доказано, что она всякий раз привязывается к волокам и, таким образом, восходит к финно-угорской лексеме **ukti* ‘перешеек, волок’ [Sammallahti 1988: 537; Saarikivi 2006: 38; Муллонен 2002: 208–215]. Финляндский исследователь П. Рахконен предлагает для основы более конкретные меряно-муромские истоки, опираясь на ее ареал, тянущийся от Верхневолжья на юго-востоке до карельского Поморья и северной оконечности Ботнического залива Балтийского моря на северо-западе [Rahkonen 2013]. Парадоксально, что столь важный культурный термин оказался утраченным большинством живых финно-угорских языков, сохранившись лишь в далеких угорских языках. Однако методы исторической фонетики позволяют реконструировать его с безупречностью, а доказательством истинности реконструкции служат как раз речные наименования, привязанные к местам прохождения древних волоков. Достаточно вспомнить знаменитый *Ухтомский волок* между двумя реками с названиями *Ухтомка* и *Ухтомица* в восточном Белозерье или менее знаменитый, но от этого не менее важный для местных жителей волок между заливами Унская губа и губа *Ухта* на Онежском полуострове в Поморье, позволявший пересечь полуостров по суше в самой узкой его части. В Карелии знаменитое село *Ухта*, переименованное в середине XX в. в Калевалу, расположено в устье одноименной реки, которая в нижнем течении делает довольно крутое колено, при этом движение здесь осложнено несколькими порогами. Чтобы спрямить путь и миновать пороги, путники, продвигавшиеся вниз по реке, высаживались из лодок выше порогов и, преодолев пешком несколько километров (= сухопутный волок), выходили на берег оз. Куйто, где могли продолжить путь по воде в другой лодке. Расшифровка топоосновы несет и важное историко-культурное содержание, поскольку реконструирует древние, еще дославянского времени, водно-волоковые пути на территории Европейского Севера.

Однако многочисленные субстратные топонимы остаются по-прежнему нерасшифрованными, что связано с исключительной сложностью

задачи с большим количеством неизвестных. Для ее решения необходим учет типологии номинации, данных исторического языкознания, процессов поэтапного языкового контактирования. Один из важных инструментов — это анализ маркерных топооснов, типовых для топонимии, а поэтому повторяющихся неоднократно и формирующих ареалы, которые могут быть подвергнуты этноязыковой интерпретации. При этом есть понимание того, что топонимия — наиболее системный, а поэтому и наиболее достоверный источник по языку и древней этнокультурной истории края.

В данной работе будет предложен анализ ряда таких маркерных топооснов, реализованных в озерных и речных наименованиях Карелии и сопредельных областей, иными словами, топонимных / гидронимных моделей.